

Международная научная конференция «Население юга России с древнейших времен до наших дней (Донские антропологические чтения)». Сборник статей. Ростов-на-Дону, 2013, стр. 34-36.

КРАНИОМЕТРИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ СТЕПЕЙ В ЭПОХУ БРОНЗЫ (В СВЯЗИ С ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМОЙ)

А.Г. Козинцев

Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург, Россия

agkozintsev@gmail.com

CRANIOMETRY OF THE BRONZE AGE STEPPE POPULATIONS OF SOUTHERN RUSSIA AND UKRAINE (WITH REFERENCE TO THE INDO-EUROPEAN PROBLEM)

A.G. Kozintsev

Museum of Anthropology and Ethnography, Saint Petersburg, Russia

Физические особенности населения южнорусских и украинских степей в эпоху энеолита и бронзы представляют особый интерес в контексте индоевропейской проблематики. То, что эти люди были индоевропейцами, сомнений не вызывает. Поэтому главные вопросы, на которые предстоит ответить антропологам, таковы. 1) Какая из трех теорий относительно прародины индоевропейцев – «курганная» (предполагающая степную прародину), центрально- и североευропейская или же восточноанатолийская – находит поддержку в антропологическом материале V-III тыс. до н.э. из западной части степного пояса? 2) Что материал II тыс. до н.э. из данного региона может сказать о возможных путях расселения дочерних индоевропейских групп, в частности, индоариев и иранцев?

Поиски ответов на эти вопросы затрудняются двумя причинами. Во-первых, отсутствуют важные данные о профилировке лицевого скелета у древних жителей зарубежной Европы. Во-вторых, остается неопубликованным огромный новый материал по антропологии Украины, собранный С.И. Круц и оказавшийся мне доступным благодаря ее любезности (пользуюсь случаем выразить ей за это сердечную признательность). Имеющаяся в моем распоряжении база данных включает более 200 мужских краниологических серий. Данные обработаны с помощью канонического анализа с подсчетом расстояний Махаланобиса.

Сопоставление серий III тыс. до н.э. из Южной России и Украины с энеолитическими (среднестоговской, хвалынской и из Хлопкового Бугра) по полной программе из 14 признаков выявило лишь нечетко выраженные хвалынские связи (одну среди ямных групп Украины и одну среди катакомбных той же территории). Аналогичное сравнение с сериями IV-III тыс. до н.э. из Закавказья и с Ближнего Востока (куро-аракс Грузии и Армении, Киш, Тепе Гиссар 2 и 3) обнаружило для куро-араксской группы Армении две катакомбные связи – одну с катакомбниками Калмыкии, другую с ранними катакомбниками р. Молочной.

Объединение данных методом невзвешенных средних приводит к более определенному результату. Все ямные группы (n=21) и подавляющее большинство катакомбных (20 из 22) ближе к усредненной энеолитической группе из Южной России и Украины, чем к усредненной группе из Закавказья и с Ближнего Востока. То же относится к носителям полтавкинской и потаповской традиций. Этот результат явно не согласуется с идеей массового притока людей из Закавказья в степи, подтверждение которой А.Ю. Худавердян пытается найти в антропологическом материале.

Исключение составляют две катакомбные серии из Украины – с р. Молочной и суммарная раннекатакомбная. Обратившись к другим сериям эпохи ранней и начала средней бронзы, мы обнаруживаем еще пять исключений – кеми-обинскую группу, бабинскую, майкопскую, тамаруткульскую и синташтинскую из Приуралья. Все они ближе к Закавказью и ближневосточным группам раннебронзового века, чем к восточноевропейским энеолитическим.

Сравнение с объединенной группой V-III тыс. до н.э. из Центральной и Западной Европы (невзвешенные средние по 54 сериям) возможно только по краткой программе из 9 признаков. Но и в этом случае результат столь же отчетлив: лишь три раннекатакомбные серии из Украины (из Каховки, с Молочной и суммарная), а также серия из погребений бабинской культуры с той же территории представляют исключение из общего правила. Итак, имеющиеся краниометрические данные однозначно свидетельствуют об автохтонности подавляющего большинства групп III тыс. из Южной России и Украины и, таким образом, не согласуются ни с анатолийской гипотезой, ни с центральноевропейской.

Однако для подтверждения «курганной» гипотезы потребовалось бы продемонстрировать движение населения из степей на запад. Таких свидетельств антропология также не дает. Правда, при более детальном сопоставлении ямные серии из Каховки и особенно с Ингульца обнаруживают пять близких параллелей на территории ФРГ и Франции (южного тяготения ни одна ямная группа, в отличие от раннекатакомбных, не проявляет). Это можно согласовать как с «курганной» гипотезой, так и с «европейской», постулирующей движение ариев с территории зарубежной Европы на восток по степям. Особенно отчетлива связь названных ямных групп с группой из Осторфа на севере ФРГ, представляющей вариант культуры воронковидных кубков (конец IV тыс. до н.э.).

Мне уже приходилось обращать внимание на эту необычную группу в связи с ее неожиданным и близким сходством с носителями окуневской (чаахольской) культуры Тувы, захороненными на могильнике Аймырлыг и очень похожими как на тех же ямников Ингульца, так и на катакомбников Молочной. В случае прямой связи это подтверждало бы теорию западноевропейской прародины, в случае же косвенной (за счет общего восточноевропейского происхождения) – «курганную». Для выбора между этими двумя возможностями имеющиеся данные пока недостаточны и здесь требуется чрезвычайная осторожность. Нужно учесть отсутствие данных о профилировке, а также возможность случайных совпадений при работе с мелкими группами без их усреднения (на 54 серии раннебронзового века из зарубежной Европы приходится всего семь закавказских и ближневосточных).

Чаахольцы Тувы представляют особый интерес не только по причине их возможных европейских корней, но и вследствие исключительной близости к степным скифам. Близость эта гораздо заметнее, чем сходство степных скифов с носителями срубной культуры. Данное обстоятельство укрепляет позиции сторонников теории центральноазиатского происхождения степных скифов. Эта гипотеза давно уже разрабатывалась археологами ленинградской школы, но теперь впервые обрела антропологическую почву. Сегодня можно предположить, что ираноязычными скифы стали не в результате их местного происхождения от носителей срубной культуры, а вследствие генетической связи их предков с одной из ветвей ранних иранцев, проникшей в бронзовом веке далеко на восток, в глубь Центральной Азии. Возвращение потомков этих людей в Европу в раннем железном веке было, возможно, главным фактором появления скифов на исторической арене.

Носители раннекатакомбной культуры Украины (по крайней мере, некоторые их группы), видимо, были пришлыми. Но какую из двух гипотез, альтернативных «курганной» – «южную» или «западную» – следует в данном случае предпочесть, сказать трудно. Ясно лишь, что применение терминов «средиземноморцы» и «южные европеиды» по отношению к грацильным европеидным сериям чревато большими недоразумениями. Во-первых, пигментация этих людей нам неизвестна. Во-вторых, обобщенные краниологические различия между жителями Закавказья и Ближнего Востока, с одной стороны, и Центральной и Северной Европы, с другой, в эпоху ранней бронзы по измерительным признакам (по крайней ме-

ре, по неполному их набору) невелики и не превышают одной сигмы (разница в скуловом диаметре – 0,3 сигмы). Вызвано это интенсивным проникновением людей и генов из Анатолии через Балканы вплоть до северной Европы. Поэтому до получения более подробной информации о населении зарубежной Европы приходится воздержаться от суждений о том, откуда именно раннекатакомбные группы могли мигрировать в Украину – с юга или с запада. Новые данные А.А. Казарницкого позволяют надеяться, что ответить на этот вопрос поможет краниоскопия. Майкопская культура (в отличие от новосвободненской, корни которой – в Центральной Европе) – явление, несомненно, южное. Однако майкопцы пока не находят краниометрических аналогий ни на юге, ни где-либо еще.

Ямные и катакомбные группы объединены огромным количеством связей и в большинстве случаев явно имеют общее происхождение. Внешний импульс, фиксируемый у ранних катакомбников, этому не противоречит – он мог иметь характер примеси. Что, в таком случае, могло вызвать сосуществование двух разных культурных традиций на одной территории и в сравнительно однородной антропологической среде в течении большей части III тыс. до н.э. (об этом свидетельствуют новые радиоуглеродные даты) – остается загадкой.

В эпоху поздней бронзы энеолитическое наследие становится менее заметным. В рамках типологического подхода это трактуется как усиление «средиземноморского» компонента. Однако связи срубных групп с их непосредственными предшественниками – людьми ямной, катакомбной и полтавкинской культур – настолько очевидны, что убедительнее выглядит предположение о естественном убывании энеолитического наследия без заметных влияний извне, то есть о процессе грацилизации. В эту эпоху особенно отчетливы связи степного населения не с Закавказьем и Ближним Востоком и не с зарубежной Европой, а со Средней Азией. Они проявляются сильнее всего не там, где их можно было бы ожидать исходя из гипотезы среднеазиатской примеси, в частности, не у алакульцев Западного Казахстана, а в более северных и западных районах, например, в срубных группах среднего Поволжья.

Антропологические контакты населения степей со Средней Азии, возможно, начались в более раннюю эпоху, о чем свидетельствуют особенности ранних катакомбников Украины и представителей долинской культуры Предкавказья. Ручаться, что сходство этих людей с жителями Средней Азии (если оно не случайно) вызвано миграцией из степей на юг, а не наоборот, нельзя. Но по отношению к эпохе поздней бронзы предположение о притоке людей из Средней Азии в восточноевропейские степи становится маловероятным. В целом имеющиеся данные вписываются в концепцию ряда археологов о постепенном продвижении ариев, а затем их дочерних групп – индоариев и иранцев – на восток и юг.

Что же касается алакульцев Западного Казахстана, то новые данные подтверждают правоту В.П. Алексеева в его споре с В.В. Гинзбургом. Эта группа не обнаруживает ни одной сколько-нибудь близкой параллели ни с синхронным, ни с более древним населением Средней Азии, зато очень похожа не только на срубное, но и в еще большей степени на ямное и катакомбное население Украины, что подтверждает ее западное происхождение. Множество ранних (III тыс. до н.э. и раньше) аналогий на территории зарубежной Европы при отсутствии каких-либо южных связей наводит на мысль о европейских истоках данного комплекса – возможно, о какой-то отдельной миграции с запада. Высказанное А.А. Хохловым в этой связи недоумение объясняется недостаточным знакомством с материалом из Украины и зарубежной Европы, а также подменой изучения реальных связей групп архаичной и дезориентирующей расовой типологией.

Проблема методики в нашей этнической антропологии неожиданно обострилась. Предпринятые некоторыми коллегами в последние годы попытки возродить типологический подход и тем самым отказаться от популяционной концепции расы вызывают тревогу. Материал дробится на очень маленькие группы, те, в свою очередь – на «типы» и «компоненты», и в итоге мы доходим до индивидуальной диагностики. Статистике отводится сугубо подчиненная роль. При этом забывают, что скудость материала – аргумент не против использования статистики, а наоборот, в пользу особенно тщательного ее применения. Несостоятельность типологического подхода была убедительно продемонстрирована Г.Ф. Дебецом и В.П. Алек-

сеевым. Его реанимация возвращает нашу науку как минимум на полвека назад и препятствует реконструкции популяционной истории.